

Тинни Драгомир

Way to grave

Тинни Драгомир

Way to grave

<https://litres.ru/74577743>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Way to Grave» — это хронология падения. Не в пропасть. В зеркало. Потому что самое страшное — не то, что ты стал монстром. Самое страшное — увидеть это. Каждое утро. Каждый день. Каждый вдох. И знать, что это ты. И не смочь отвернуться.

Это книга для тех, кто не боится смотреть. Для тех, кто понимает: некоторые пути ведут не к смерти. Они ведут к тому, что ты живёшь, но тебя больше нет.

Содержание

Начало конца..	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Тинни Драгомир

Way to grave

Начало конца..

Пролог. Точка, где меня не стало

Я не помню момента, когда впервые понял, что любовь — это товар. Помню только, что в детстве я считал: если меня бьют, значит, я недостаточно хорош. Если кричат — значит, я что-то не так сделал. Это была первая когнитивная ошибка, которая стала фундаментом. Я не знал, что агрессия — это не про меня. Я думал, что это про мою неисправность.

Бедность не была фоном. Она была диктором. Она говорила: «Ты не можешь иметь то, что имеют другие. Ты не можешь быть спокойным. Ты не можешь расслабиться». Бедность научила меня считать ресурсы. Не деньги — их никогда не было. Ресурсы эмоциональные. Сколько тепла я могу взять, чтобы не остаться должным? Сколько доверия я могу дать, чтобы не быть преданным?

Я вырос в семье, где близость всегда шла с болью. Где объятия могли закончиться ударом. Где слово «люблю» было либо манипуляцией, либо пьяным бредом. И я усвоил главное: **если ты привязываешься — ты уязвим. Если ты уязвим — тебя используют.**

Теперь я работаю с людьми. Каждый день. Я слушаю их, я помогаю им, я вроде бы должен понимать механизмы. И я понимаю. Только это не работает на мне. Я не доверяю никому. Даже тем, кто платит мне за доверие. Особенно им. Потому что я знаю: за каждой открытой дверью стоит тот, кто однажды её захлопнет. Или войдёт без стука.

Я не умею любить. Не потому что не хочу. Потому что во мне пусто. Мне мало любви — но не в смысле «дайте больше». А в смысле: та любовь, которую мне давали, была настолько токсичной, что я не научился её переваривать. Я не знаю, как это — когда тебя любят просто так. Без условий. Без долга. Без боли.

Я ищу себя в музыке. Это единственное место, где я могу говорить, не боясь быть перебитым. Я выпускаю треки. Тысячи слушателей. Они думают, что это творчество. Это не творчество. Это крик. Это попытка выговориться в микрофон, потому что в реальности я давно онемел. Каждый трек — это не песня. Это протокол вскрытия. Моего собственного.

И каждый раз, когда я заканчиваю альбом, я чувствую одно и то же: пустоту. Потому что музыка не лечит. Она только даёт временную форму для боли. А потом форма ломается. И я снова теряю себя. Выгорание. Депрессия. Металка — не как жанр, а как способ существования. Тяжёлый звук, который заглушает внутренний шум. Но шум не уходит. Он просто становится ритмом.

Это начало. Не жалоба. Не поиск виноватых. Это точка отсчёта. Точка, где я перестал быть собой и начал строить того, кто выживает.

Формирование базового недоверия (0–7 лет)

Дом как аэропорт.

Я не помню, чтобы меня держали на руках просто так. Меня держали, чтобы не упал. Меня держали, чтобы наказать. Меня держали, чтобы передать кому-то другому. Руки были транспортным средством. Никогда — домом.

В моём детстве был один звук, который я узнавал раньше, чем собственное имя. Это был звук ключа в замке. Но не тот, что открывает. Тот, что закрывает. Когда отец возвращался, замок щёлкал дважды. Первый раз — вход. Второй раз — выход. Выход для меня. Я знал: как только второй щелчок — я должен исчезнуть. Стать мебелью. Стать воздухом. Стать ничем.

Это была первая школа. Школа исчезновения. Я научился быть настолько тихим, что меня переставали замечать. И в этом была моя первая власть. Если тебя не видят — тебя не бьют. Если тебя не слышат — тебя не ругают. Я стал мастером невидимости. Я думал, что это сила. Только много позже я понял: это была не сила. Это была первая смерть. Смерть того, кем я мог бы стать.

Бедность как язык.

Бедность — это не отсутствие денег. Это язык, на котором говорят все, кто тебя окружает. На этом языке нельзя

сказать: «Я хочу». Можно только: «Я не могу». «Я не могу купить». «Я не могу пойти». «Я не могу быть как они». Бедность — это грамматика отказов. Я выучил её раньше, чем алфавит. И когда я вырос, я всё ещё говорю на ней. Даже когда у меня есть деньги. Даже когда я могу. Я всё равно говорю: «Я не могу». Потому что бедность — это не в кошельке. Это в горле. Это спазм, который не даёт произнести слово «хочу».

Любовь как карточный долг.

Усвоение модели «любовь = боль»

В моей семье любили по расписанию. Любили, когда было выгодно. Любили, когда кто-то смотрел. Любили, чтобы потом потребовать. Я не помню, чтобы меня обнимали просто так. Обнимали, чтобы проверить, не украл ли я что-то. Обнимали, чтобы понюхать, не пью ли я. Обнимали, чтобы убедиться, что я всё ещё под контролем.

Я вырос с мыслью, что любовь — это долг. Ты берёшь её в кредит. И потом платишь. Платишь послушанием. Платишь молчанием. Платишь отказом от себя. Я платил годами. Я думал, что если выплачу всё — мне дадут свободу. Но долг был бесконечным. Потому что проценты начислялись на проценты. И однажды я понял: я не должник. Я заложник.

Насилие как ритуал.

В моём доме насилие не было хаосом. Оно было ритуалом. У него был порядок. Сначала — тишина. Потом — напряжение. Потом — взрыв. Потом — слёзы. Потом — прощение.

Потом — тишина. И снова. Я знал этот цикл наизусть. Я мог предсказать его за сутки. Я чувствовал его кожей. И когда цикл сбивался — я пугался. Потому что не знал, чего ждать. Насилие было предсказуемым. Насилие было честным. Оно говорило: «Ты — ничто». А тишина говорила: «Ты — всё». И я не знал, чему верить. Я верил насилию. Потому что оно было конкретным.

Дом как театр.

В моём доме все играли роли. Отец играл роль хозяина. Мать играла роль жертвы. Я играл роль сына. Но никто не был собой. Потому что быть собой — это риск. Риск быть отвергнутым. Риск быть наказанным. Риск быть осмеянным. Мы играли так долго, что забыли, где заканчивается роль и начинается человек. И когда я вырос, я продолжал играть. Я играл роль успешного. Я играл роль сильного. Я играл роль того, кому плевать. Но под маской не было лица. Была пустота. И эта пустота была единственным настоящим, что у меня осталось.

Компенсаторная изоляция

Музыка как бункер.

Я не выбирал музыку. Музыка выбрала меня. Потому что музыка — это единственное место, где можно кричать и не быть наказанным. Где можно говорить правду и не быть осмеянным. Где можно быть собой и не быть отвергнутым. Я построил бункер из звуков. Стены — это риффы. Крыша — это барабаны. Дверь — это мой голос. И я заперся внутри.

Я думал, что это спасение. Я не понимал, что это ещё одна могила. Только с хорошей акустикой.

Наушники как скафандр.

Я носил наушники везде. В школе. В автобусе. Дома. Даже когда спал. Наушники были моим скафандром. Они отделяли меня от мира. От криков. От вопросов. От прикосновений. В наушниках я был неуязвим. В наушниках я был богом. Я мог отключить реальность одним движением. Я мог включить свой мир. И в этом мире всё было под контролем. Всё было предсказуемо. Всё было моим. Но у скафандра есть цена. Ты не чувствуешь не только боль. Ты не чувствуешь и тепло. Ты не слышишь не только крик. Ты не слышишь и шёпот. Ты не видишь не только угрозу. Ты не видишь и любовь. И когда я снял наушники — я понял, что мир давно прошёл мимо. И я остался один. В скафандре. Который стал моей кожей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.